

Глава первая

Надо мной простиралось кроваво-красное небо Аида. С тяжелыми серыми тучами, словно написанными грубой кистью художника, давно забывшего, как выглядит настоящее небо.

Откинув голову, я хрипло рассмеялась.

Иронично, справедливо, закономерно. Вот я и дома.

Не Дэваль, играющий с и без того страдающими душами. Не Вельзевул, заточивший мать своих детей в ад. Никто из тех, кто рассуждает о спасении мира, а потом идет на Маскарад Мертвых.

Мое место здесь, в этом нет сомнений. Но они заслужили быть рядом не меньше.

Сзади раздался глухой рык. Инстинкты сработали прежде разума, я вскочила на ноги — и это спасло мне... что? Жизнь? Здоровье? Разум?

Существо, над которым издевался Дэваль, затащив меня в ад, не успокоилось. Из движений окончательно исчезли человеческие повадки. Здесь, среди красноватых безжизненных пейзажей, монстр казался монстром. Озлобленным, кровожадным, готовым к атаке.

— Прошу заметить, — сквозь зубы процедила я, — что касание мне уже не навредит, так что я хорошенько тебя отделаю.

На самом деле я бравировала. Понятия не имела, смогу ли победить в драке без правил с чем-то, давно утратившим человеческий облик. Дэваль справлялся с легкостью, но его с детства учили противостоять темным душам. А меня пару раз приложил об пол Самаэль — и на том тренировки пока закончились.

Но терять мне уже было нечего. Никто не может спуститься в Аид.

Отныне это — мой дом.

Монстр кинулся мне навстречу, мы упали на землю, и нечеловеческим усилием я сбросила его с себя прямо на острые камни. Руку обожгло болью. К счастью, всего лишь от ссадины. Что ж, здесь есть боль.

Жалость, которую я испытала, увидев, как Дэваль играет с несчастным, улетучилась. Прежде чем монстр поднялся для нового прыжка, я схватила первый попавшийся камень и ударила. Недостаточно сильно, чтобы убить, но достаточно, чтобы отправить в нокаут.

Задыхаясь, я пошатнулась — все случилось слишком быстро. Переход в Аид, похоже, отнял последние силы после поверхностного, полного кошмаров сна у прорехи.

А потом я заметила движение.

Всюду вокруг, на скалах, появлялись темные души.

Некоторые выглядели почти как люди, в некоторых с трудом угадывались черты выходцев из иных миров,

но гораздо больше было тех, кто перестал быть собой давным-давно. Кто принял правила игры, позволил Аиду изменить их.

У меня вырвался сдавленный всхлип. Я не стану такой! Не позволю себе стать чудовищем!

Я выживу. Здесь наверняка можно выжить, нужно лишь найти укрытие и хоть кого-то, кто поможет. Не все темные души прогнили насквозь. Кто-то здесь должен обладать хотя бы здравым смыслом.

Они все смотрели на меня. Не двигались и, кажется, даже не дышали. Пожирали взглядами, принохивались, словно пытались понять, насколько опасен вновь прибывший страж.

Расправив плечи, я огляделась. Всюду, куда хватало взгляда, простирались красноватые скалы. Песок и камни под ногами обжигали. От сухого воздуха слезились глаза и першило в горле. Нет, здесь не было огненного ада, каким порой представляли Аид наверху. Не было церберов и демонов, следящих за грешниками.

Это была выжженная насквозь, распаленная магией мертвая земля. Некогда бывшая прекрасным миром, оставшимся лишь на полотнах в доме Вельзевула. Если бы кто-то задумал создать ад, он не получился бы таким впечатляющим. Мироздание само наказало непослушных детей.

Министерство, стражи, судьи и проводники со смертными вдруг показались игрушечными солдатыками на столе у мальчишки. Я вдруг отчетливо поняла: стоит этой силе вырваться, пройти через хрупкий

Темный Предел, и все усилия окажутся тщетны. Наши миры превратятся в безжизненную пустыню.

— Какая она крас-с-с-сивая, — раздался шепот.

— Вкус-с-с-сная...

— С-с-с-сладкая-а-а-а...

— Мы сделаем ее одной из нас-с-с-с...

— Но с-с-с-начала поигра-а-аем...

Я беспомощно огляделась в поисках оружия. Только камни.

Боги, ну почему вы не снабжаете стражей оружием?! Почему, попав сюда, мы не можем даже защититься?!

— Мы с-с-сделаем ее крас-с-с-и-и-ивой...

— Хочу попробовать ее кровь...

— МОЛЧАТЬ!

Я вздрогнула: на фоне свистящего шепота громкий, уверенный мужской голос прозвучал чужеродно. Как будто в приглушенную аудиодорожку фильма вдруг вклинился нарочито громкий рекламный блок.

Чудовища расступились. Наверху, там, где все было настолько далеким, что казалось крошечным, появилась темная фигура.

И сердце пропустило несколько ударов.

Я так сильно сжала кулаки, что ногти до крови впились в ладони, но боль не отрезвила.

Я знала этого голос. Слишком хорошо знала.

Там, наверху, среди темных душ, стоял единственный человек, которого я любила.

Мой отец.

— Поднимайся сюда, Аида, — произнес он. — Видишь камни справа от тебя? По ним можно добраться до меня.

Не делай резких движений и не смотри им в глаза. Не бойся. Они не тронут тебя, пока ты не покажешь слабость.

Не показывать слабость, когда увидела единственного близкого в аду? Когда на тебя обрушилось столько эмоций — от горечи до непонимания, — что с трудом получается дышать.

Что папа делает здесь? Он не заслужил ад! Не заслужил быть в этом месте, стать одним из миллионов монстров! Не заслужил смотреть на выжженную пустыню с красным небом. Может, любовь ко мне и не достойна Элизиума, но не отправлять же за нее в Аид! Ничего другого отец не сделал. Влюбился в актрису, остался с маленькой дочерью на руках и воспитывал ее, как умел.

За что он здесь? Занимался чем-то незаконным? Я не знаю, как мы выживали, когда я была маленькая, папа говорил, нам было сложно. Неужели ради меня он уничтожил шанс для своей души?

Короткая схватка с монстром отняла все силы. К нагромождению камней, действительно напоминавших лестницу, я подошла на негнущихся ногах. Взобраться наверх — непростая задача. Я чувствовала, как жадно души вокруг за мной наблюдают. Как ждут, когда я оступлюсь и попаду в их лапы.

В детстве папа говорил «не бойся», и я не боялась. Он всегда стоял между мной и опасным, жестоким миром. Что бы ни происходило, я не боялась.

А сейчас испугалась.

С трудом я взобралась на первый валун, оцарапав руку. Отдышалась, примерилась к следующему камню и едва не рухнула вниз, поскользнувшись.

— Будь осторожна, детка, падать здесь так же больно, как и в нашем мире, — сказал папа.

Внутри разлилось приятное тепло. Я не одна. Я ему не безразлична.

После его слов будто открылось второе дыхание. Я быстро преодолела несколько метров и, когда до выступа, на котором стоял отец, осталось несколько метров, замерла.

— Даркблум!

Не поверив собственным ушам, я обернулась. По рядам монстров прошелся тревожный шепоток. Они узнали того, кто звал меня. Их ночной кошмар, их палач.

Дэваль Грейв.

— Спустись ко мне! — приказал он. — Немедленно!

Меня охватило странное чувство, похожее на... радость? Мне стало радостно, что Дэваль за мной пришел?

Стряхнув оцепенение, я с новыми силами полезла наверх.

— Нет, Даркблум!

Дэваль умолк. Я продолжала карабкаться.

— Аида, вернись.

Мое имя, сорвавшееся с его губ, прозвучало как-то неестественно, пугающе. Но я все же замерла и снова обернулась.

— Нам пора. Спустись ко мне, я выведу нас отсюда.

— Зачем? — спросила я.

— Это Аид.

— Он не так уж пугает.

— Ты лжешь. Я чувствую твой страх. И они чувствуют. Спустись ко мне, мы уйдем. Если ты попадешь к ним, я не смогу помочь.

— И всем будет проще.

— Тебе не будет.

— Обо мне не беспокойся.

— Вернись.

— Зачем?! — Я сорвалась на крик, и монстры вокруг разволновались, зашептались, оскалились. — Чтобы ты продолжил надо мной издеваться? Чтобы я и дальше мешала Селин? Чтобы навязывалась Самаэлю? Зачем нужна душа, настолько темная, что даже кастодио-метр не нашел ни грамма света? Ты же добился своего! Я там, где мне и место.

— Нет, — стиснув зубы, отозвался Дэваль.

— Все, чего я хотела, — найти папу. Я не хочу возвращаться в мир, где для него не нашлось места. Не хочу зарабатывать себе право на Элизиум, зная, что он здесь превращается в чудовище.

— Поэтому хочешь превратиться вместе с ним?

— Хочу остаться с тем, кому верю.

— Тебе придется поверить мне.

Дэваль сказал это неожиданно мягко, с каким-то... страхом в голосе? Как будто только сейчас понял, что я серьезно собираюсь остаться в Аиде.

Были ли еще такие сумасшедшие в его мире?

— Тебе лучше послушать юношу, родная, — раздался голос папы сверху. — Иди с ним, Аида. Забудь обо мне и об этом месте. Живи.

Жить, зная, что бросила его здесь? Снова и снова приходиться на занятия, надеясь, что однажды кастодио-метр покажет, что я достойна второй попытки? Стоять в дозоре и молиться богам всех миров, чтобы очередной вырвавшейся душой не оказался папа?

— Я хочу, чтобы ты ушел со мной!

— Это невозможно.

Сердце болезненно сжалось. Я так давно не слышала его голос! Эти мягкие, терпеливые интонации, которые появлялись каждый раз, когда папа что-то объяснял. Что бы ни случилось, он был спокоен, излучал уверенность и тепло.

А сейчас я должна добровольно с ним попрощаться и вернуться туда, где нет никого, кто бы меня любил?

— Я так не могу.

Слезы пролились на щеки. Я поспешно отвернулась, чтобы Дэваль не заметил. Папа наверняка знал, что я плачу. Он всегда знал.

— Ты не заслужила сгинуть здесь, дорогая. Это моя победа: то, что у тебя есть шанс. Долгое время единственной моей мечтой было знать, что ты в порядке. Что я хорошо тебя воспитал. Что ты пережила мою смерть и стала сильной. Но я никогда не позволял себе даже думать о том, что увижу тебя. Ты не должна здесь быть. И тебе надо уйти.

— Пап...

— Сколько тебе сейчас? Когда ты умерла?

— В девятнадцать.

— Такая взрослая, — я не видела его лица, но уловила в голосе улыбку, — и такая маленькая. Уходи,

Аида. Беги быстрее! Я не смогу сдерживать их долго.
Ну же!

— Почему ты здесь, за что ты в Аиде?!

Темные души вокруг зашевелились, заворчали. Что бы ни сдерживало их до этого, оцепенение спадало.

— ЖИВО! — рывкнул отец, и я сорвалась с места.

Лишь поколебавшись пару мгновений, прыгнула вниз, по камням, прямиком в руки Дэваля. Ощувив ненавистный запах и тепло его тела, дернулась, рыкнула и ударила что было силы.

— Ненавижу тебя!

— Да.

— Это из-за тебя! Из-за твоих игр!

В последний раз я обернулась, чтобы посмотреть на отца, но увидела лишь удаляющуюся фигуру. И понимание накрыло невыносимым удушьем, как будто воздух просто закончился: он уходил, чтобы я не передумала. Чтобы ушла с Дэвалем, не сорвавшись в последний момент.

— Идем. Идем быстрее!

Он крепко взял меня за руку, не оставив шанса вырваться, и потащил куда-то в глубь скал, туда, где клубилась тьма. Несколько душ дернулись было в нашу сторону, но, когда Дэваль обернулся, зашипели и отшатнулись.

Во тьме мне стало холодно. Ничего не видя, слыша лишь хриплое дыхание монстров в округе, я шла за Дэвалем, дрожа от холода и выброса адреналина. Казалось, в любую минуту я могла просто отключиться, осев на каменный пол, и остаться здесь навечно. Но парень

упрямо тащил меня за собой до тех пор, пока во тьме не появился просвет.

Теперь я знала, почему темные души так редко выбираются из Аида. Подобные кошмары не раз мне снились: в абсолютной тьме я с трудом, словно находясь в вязком киселе, пытаюсь пробраться к свету, снова и снова отдаляясь от него. Ориентироваться в этом месте, чем бы оно ни было, казалось невозможно. Если бы Дэваль отпустил меня, я бы не выбралась ни к прорехе, ни обратно к отцу. Осталась здесь навечно, блуждая в поисках просвета, неумолимо превращаясь в чудовище.

Яркий свет ослепил так внезапно, что я едва не упала. Пытаясь спасти слезящиеся глаза, я не заметила, как Дэваль толкнул меня вперед, а в следующую секунду в нос ударил знакомый запах пещерной сырости.

Мы вернулись в Мортрум.

Прореха за нами закрылась. Точнее, ее закрыл Дэваль.

Без сил я прислонилась к стене и зарычала. Настолько отчаянно, что парень даже растерялся.

— Почему?! За что он там?! Он хороший человек!

— Даркблум...

— Он не заслужил! Почему я здесь, а ему не дали шанса?! Я причинила в сотни раз больше зла, чем он!

— Ты этого не знаешь.

— Знаю! Не смей говорить, что я не знаю отца! Не смей говорить, что он заслужил!

— Я ничего о нем не знаю. Но в Аид не попадают по ошибке. Кастодиометры не ошибаются.

— Тогда почему я все еще здесь? Мой показал, что во мне ни капли хорошего.

— Я не знаю. Но твой отец хотел, чтобы ты вернулась. Если ты считаешь его хорошей душой, то должна прислушаться.

— И просто смириться? Жить здесь, пока он там мучается... Ты бы...

Я осеклась, собираясь закончить предложение как «смог так жить?», но вспомнила рассказ Самаэля. Дэваль уже так живет. Его мать в Аиде. А он здесь, и в отличие от меня не верит в новую жизнь или Элизиум.

Я вытерла глаза и поднялась, пошатываясь. Не так я себе представляла первый дозор.

— Я хочу в архив.

— Что?

— Мне нужно знать, за что папу отправили в ад. В архиве есть его дело, я знаю. Ты меня туда отведешь.

— Забудь! — Дэваль рассмеялся.

— Иначе я пойду и расскажу Вельзевулу, как по твоей вине попала в Аид. Как ты играл с той душой и оставил меня одну.

С его губ медленно сползла улыбка.

— Видишь? Это просто ошибка. Это мое место за Пределом. Отец был гораздо лучше.

Молчание тянулось мучительно долго. Внешне я была совершенно спокойна, собранна и хладнокровна, а внутри молилась, чтобы Дэваль купился. Потому что иначе осталось бы только умолять и пришлось бы утром, вместо того чтобы отсыпаться после дозора, хоронить и поминать гордость.